

стр. 276, статья *межа*); по цитате из Левитова «Не видишь, глупая, какая тут *машина* вина выпита» дано в виде экзemplификации *м. вина*; по цитате из Короленко «Нешто можно экую *машину* денег со пчелы согнать» дано *м. денег* (ср. ССРЛЯ, т. 6, стлб. 721), ср. еще *м. дров*, так что получился целый ряд сочетаний: *машина денег*, *м. дров*, *м. вина* (II, стр. 269, статья *машина*), которые сами по себе производят странное впечатление. Пример на *подй* (III, стр. 342) не совсем удачно сделан по цитате из Островского (ССРЛЯ, т. 10, стлб. 874, п. 4). Во всех таких случаях, особенно для частиц, цитаты с более широким контекстом выглядят убедительнее.

Слова с разными основами помещаются по каждой основе отдельно с отсылками, например, *имени* — *имя*, *шедший* — *идти*. Однако, к *дерево* не приведено отдельно *дерева*, к *судья* — *судей*, к *зуб* — *зубья*, к *сын* — *сыновья*; статью *брус* — *брусья* и отдельную статью *брусья* следовало бы отсылками привести в соответствие. Не приведено слово *уровень*, в связи с чем нет и сложного предложения на *уровне чего*. Для слова *ночь* (II, стр. 637) неправильно указан акцентный тип *f* вместо *f'*. В словаре изредка встречаемся со знаком приблизительного перевода $\cong$, о принципах применения его указания нет: (*пешня* III, стр. 219) $\cong$ *sochor*; *печаль* (III, стр. 216) в поговорке *не было печали*, (*так*) *черти накачали* $\cong$ *čert mi (ti...) to bol džen*. Допущен целый ряд опечаток (см. IV, стр. 246, 292, 369; III, стр. 46; V, стр. 102, 157 и др.).

*

Наши критические замечания о БРСС носят скорее теоретический и собственно лексикографический характер, причем мы старались рассматривать словарь с точки зрения реализации в нем тех положений, которых придерживались авторы при обработке инвентаризированного ими в словаре лексического материала (эта обработка в значительной степени отразила взгляды и дискуссию братиславской лексикографической конференции 1952 г.).

Как известно, характер лексикографической работы — неизбежно длительной и вместе с тем связанной единой установочной концепцией — не позволяет менять подход к решению отдельных вопросов в процессе самой работы в соответствии с изменениями лингвистических теорий.

Суммируя все сказанное о «Большом русско-словацком словаре», нельзя не признать, во-первых, что закончен весьма серьезный лексикографический труд, в типографическом отношении изданный отлично, во-вторых, что создан богатейший источник вполне надежных словацких эквивалентов для чтения и перевода разнообразнейших русских текстов общекультурного, публицистического, политического и общенаучного содержания, и, наконец, что славистика обогатилась новым прекрасным пособием для сопоставительного изучения славянских языков.

Л. В. Копецкий

М. Jurkowski. *Ukraińska terminologia hydrograficzna.* — Wrocław—Warszawa — Kraków—Gdańsk, 1971. 240 стр.; **Г. Я. Яшкин.** *Беларускія геаграфічныя назвы.* — Мінск, 1971. 255 стр.

За последние пятнадцать лет значительно возрос интерес к славянским географическим терминам. Возникнув более века тому назад в России в среде этнографов-географов и лингвистов¹, он

то ослабевал, то вновь укреплялся и получил научную базу и теоретическую направленность к 20-м годам XX в. благодаря трудам двух крупнейших славянских этнографов недавнего прошлого К. Мошинского и Й. Цвичи². Но достаточно систематическое и планомерное исследование славянских географических терминов началось, как известно, лишь в 50-е годы с монографии немецкого слависта Й. Шютца по сербскохорватским апеллятивам (1957). Затем последовал ряд изысканий по польским (П. Нитше, 1962 и др.), чешским и словацким (дис-

¹ К этому времени относятся работы А. П. Соколова (1845, 1849, 1854), Н. Я. Данилевского (1869), П. А. Лавровского (1870), П. Г. Лебединцева (1879), оставшийся в рукописи словарь А. Кириллова «Географические термины (нарицательные)» (1853) и др.; более подробные библиографические сведения см. в моих тезисах «Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии» (в кн.: «История топонимики в СССР», М., 1967, стр. 15) и в кн.: «Словарь русских народных говоров», вып. 1, М.—Л., 1965, стр. 39, 82, 102.

² Об этих трудах и упоминаемых в дальнейшем без библиографических данных см. в моей книге «Славянская географическая терминология», М., 1969 (далее — Тол. СГТ).

сертация Р. Н. Малько, 1970³) апелляциям. Несколько раньше и в ином плане, отвечавшем больше нуждам географов, чем лингвистов, была выполнена книга по словенским терминам (Бадюра, 1953). Если учесть, что уже составлен, но не издан словарь по болгарским и македонским терминам (автор Э. А. Григорян), то станет ясно, что для полноты общеславянской картины недостает лужицкого и восточнославянского материала. Некоторое время единственным систематизированным источником последнего служил словарь Э. М. и В. Г. Мурзаевых (1959)⁴ и словарь водных терминов П. А. Маштакова (1931). Затем появились словари и исследования М. Н. Мельхеева, Ф. Н. Милькова, М. Ф. Розена, автора этих строк, В. М. Мокленко и др.⁵

По украинским географическим терминам до недавнего времени были известны лишь областные словари Я. Рудницкого (1939) и С. Грабца (1950) по Бойковщине и Гуцульщине и обобщающий словарь по терминам рельефа Т. А. Марусенко (1968). Вышедшие недавно в свет книги М. Юрковского и И. Я. Яшкина существенно восполняют имевшийся пробел в литературе по восточнославянским географическим апелляциям. Если появиться суммирующая монография по великорусским терминам и описание той же лексической сферы в лужицких языках, первый очень важный этап исследования будет закончен, и славянская географическая терминология (вместе с балтийской⁶) окажется наиболее последователь-

но классифицированным и изученным пластом славянской лексики.

Внимание к этому лексическому слою не случайно. Народная славянская географическая терминология как часть словарного состава языка, представляющая собой достаточно обособленную систему, довольно четко соотношенную с конкретной внеязыковой географической средой, может служить хорошим источником для изучения лексико-семантических закономерностей и процессов, для выработки методов сравнительного и сравнительно-типологического исследования словарного состава. Она тесно связана с топонимикой (с микротопонимикой в первую очередь) и составляет во многих зонах до 20% ее состава⁷, рассмотренного в этимологическом плане; наконец, как уже отмечалось неоднократно многими авторами, этот круг лексики, вероятно, в большей мере, чем иные лексико-семантические пласты, после специальной реконструкции может дать ценные сведения для определения праславянского «существования», праславянской прародины. Однако с такой реконструкцией не следует спешить, пока не закончена работа по собиранию и лексикологической обработке славянских географических апеллятивов, по анализу обнаруживаемых в них семантических сдвигов (процессов) и определяющихся ими изоглоссов.

Книга Мариана Юрковского во многих отношениях может служить образцом инвентаризации и классификации географических терминов отдельного славянского языка, хотя в нее включены не все украинские географические термины, а лишь добрая их половина — гидронимическая (так называемые водные термины). Кажущаяся на первый взгляд незамысловатой проблема семантической классификации географических терминов на самом деле довольно сложна, так как народная терминология обладает своей спецификой и научное разграничение физических географических объектов не совпадает с местно-диалектным (народным). Последнее может различаться по зонам в зависимости от географической среды, а также, что крайне важно для лингвиста, быть неоднородным независимо от нее — в результате различной языковой сегментации материального мира. Часть народных географических терминов синкретична, т. е. относится одновременно и к сфере растительности,

³ Р. Н. Малько, Названия рельефа в чешском и словацком языках. Канд. диссерт., Минск, 1970.

⁴ В настоящее время готовится новое, значительно расширенное издание этого словаря. См.: Э. М. и В. Г. Мурзаевы, О новом издании словаря местных географических терминов, «Изв. АН СССР», Серия географическая, 1971, 4.

⁵ М. Н. Мельхеев, Географические названия восточной Сибири: Иркутская и Читинская области, Иркутск, 1969; Ф. Н. Мильков, Типология урочищ и местные географические термины Черноземного центра, «Научн. зап. Воронежского отдела Географического общ-ва СССР», 2, Воронеж, 1970; [М. Ф. Розен], Словарь географических терминов Западной Сибири, Л., 1970; В. М. Мокленко, Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апелляции, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне). Канд. диссерт., Л., 1969.

⁶ Балтийский материал собран и описан Л. Г. Невской в работе «Словарь балтийских географических терминов» («Балто-славянский сборник», М., 1972).

⁷ Связь местных географических терминов с топонимикой хорошо показана в известной книге Вл. Шмиллауэра, где приведено очень значительное число географических апеллятивов, служащих основой для образования топонимов во всех славянских языках. См.: V. Šmílauer, Příručka slovanské toponomastiky, Praha, 1970.

и к сфере рельефа, болота и т. п. Все это делает общую классификацию диалектной и литературной терминологии довольно затруднительной. Опираясь на опыт своих предшественников (И. Шютца, П. Нитше, Р. Бадюры и др.), М. Юрковский выделил шесть больших групп: I. термины, связанные с текущей водой; II. термины, связанные со стоячей водой; III. термины общие для I и II; IV. термины, связанные с береговой линией; V. термины, связанные с болотом и тиной; VI. термины, связанные с искусственными водными объектами. Каждая группа состоит из более дробных семантических гнезд, общее число которых равно 54. Для примера приведем гнезда из I группы: 1) река, ручей; 2) приток; 3) отлив, сток; 4) проток; 5) рукав реки; 6) источник; 7) течение, стрежень; 8—9) водопад; 10) изгиб; 11) слияние двух рек; 12) разветвление реки; 13) устье. Всего автор исследовал 1831 термин (если считать согласно индексу отдельными терминами и дериваты типа *болоття*, *болотина*, *болотнеца*, *болотюха* и др. от *болото* и т. п.). Это число весьма значительно, принимая во внимание, что Т. А. Марусенко в своем словаре терминов рельефа привела 1102 слова⁸. Притом она пользовалась не только опубликованными данными, но и весьма многочисленными ответами на разосланную ею почти по всей Украине анкету. М. Юрковский был принужден ограничиться, в основном, печатными источниками, так как его собственные полевые наблюдения были кратковременны. Но и при таких условиях он проделал очень большую работу по экскерции и классификации терминов. Библиографических упущений у автора «Украинской гидронимической терминологии» почти нет. Можно было бы указать, пожалуй, только на книгу А. А. Берлизова «Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я» (Чернівці, 1959), но зато в книге использованы такие редкие и не известные другим авторам источники, как, например, книга: Gašiorowski, Przewodnik po Beskidzie Wschodnim (Warszawa, 1932). Экскерцией и классификацией терминов труд М. Юрковского не ограничивается. Географические апеллятивы сопровождаются обильными топонимическими примерами и, что самое важное, для каждого из них устанавливается этимология. Во многих случаях

она не расходится с уже известной и более или менее традиционной, однако немало и примеров собственных решений автора. К последним и, на наш взгляд, удачным относятся этимологии слов *бовкун*, *бавкун* 'быстрина'; 'быстрое течение' (сближение с *боддур*, *бовтур* от корня *болт-*), *брияц* 'мелкое место в реке, где вода журчит на камнях' (от *bręskj* ономатопеическ.; ср. русск. *брякать*), *прожон* 'водный путь, дорожка, выкошенная среди тростника; по этой дорожке не только плавают на челнах, но и ставят сети для ловли рыбы' (**pro-žen-* от **pro-gъnati* 'прогнать') и др. Автор в ряде случаев проявляет похвальную сдержанность и оставляет нераскрытыми этимологии тех слов, которые при более смелом подходе могли бы получить хотя бы гипотетическое разрешение. Таковы *бача* 'волна', *бѣнево* 'незамерзающее и невысыхающее место в реке', *бѣгол* 'большой камень', *рѣво* 'огромная грязь', *каламѣша* 'жидкая грязь', *ковбѣр* 'яма в воде, выбитая водой, водопадом', *ковбѣр* (*ковбѣр*) 'яма в реке или ручье', *ковбѣр* гуцульск. 'глубокая спокойная вода, глубокое место в реке с тихой водой', *плай* 'залитое место, приречные луга, понатые водой'.

По поводу происхождения некоторых из них можно было бы сделать предварительные предположения, например: *ковбѣр*, *ковбѣр*, *ковбѣр* следует поставить в один ряд с *ковбана* и т. п. 'яма, лужа' и, вероятно, рассматривать при этом *бур*, *бѣр*, *бир* как отдельный корневой компонент ономатопеического происхождения (*bur-*, ср. русск. *бура*). Переходы или дублеты типа *u > i* (*u : i*) в словах этой семантической группы возможны согласно действующим в ней «правилам» экстраординарной фонетики. Такая этимология в какой-то мере напоминает народную, однако бесспорно, что группа слов 'ямы, лужи, водовороты' в славянских языках заслуживает отдельного и специального рассмотрения с этимолого-фонетической стороны. В связи с этим примером следует отметить также справедливое утверждение М. Юрковского о необходимости (или желательности, допустимости) учета переходных форм в словах типа *байоро*, *кабач* (*калбач*) и т. п., даже если эти формы не всегда зафиксированы (стр. 202). Что же касается слова *плай*, упомянутого выше, то оно, вероятно, из *плайу* (ср. *плав*, *поплав*) с результатом перехода *ŷ > j*, в то время как карпато-укр. *плай* 'горная тропа', 'безлесный хребет, горы' и т. п. — романнизм. Для некоторых слов гипотетическое, почти всегда удачное решение дается самим автором. Например, *масколѣ* 'липкая грязь', *мускотѣ* 'большая грязь' связывается с корнем *musk-/muzg-/mosk-/mozg-* 'нечто мокрое, жидкое' (возможность связи с *mazati*, *maslo* и т. п. менее вероятно, см. стр. 157, 153). Лишь

⁸ Недавно И. Шютц обратил внимание на условность применения слова 'терминология' к диалектной сфере (см. ВЯ, 1972, 1, стр. 136). О соотношении научной, литературной и диалектной систем географических терминов см. в моей статье «К проблеме изучения славянских местных географических терминов», сб. «Местные географические термины», М., 1970, стр. 46—48.

в очень немногих случаях, по нашему мнению, автор предлагает ошибочную этимологию. Так, вероятно, не надо термин *жомба* 'яма, выбитая водой, лужа, яма в реке' воспринимать как заимствование из немецкого (*Sumpf*), а следует его признать балтизмом (ср. латыш. *žatра* 'большая лужа на дороге', польск. диалектн. *готра*, *зитра*, *зитрава* 'болото')⁹.

Помимо этимологий и семантической классификации, которая в некоторых случаях могла быть еще подробнее и которая другими исследователями будет разрабатываться дальше на новом материале, М. Юрковский дает также словообразовательный анализ, результаты которого следующим образом кратко изложены в резюме к книге: «суффиксами, встречающимися чаще всего, являются: *-ина* (160 слов), *-ка* (свыше 110 слов), *-ок* (90), *-ица* (40), *-ища* (50), *-иж* (30), *-ица* (20), *-ак* (15). Из редких суффиксов здесь можно назвать следующие: *-уга* (*баньчуга*, *болотнюга*, *калюга*, *ковбанюга*), *-ура* (*банюра*, *калябура*, *млачура*), *-ур* (*банюр*, *бөөдур*, *ковбур*, *жабур*), *-ва* (*багва*, *дрягва*, *моква*, *мороква*, *рытва*, *солоква*, *тепча*), *-адь* (*вершадь*, *ровнядь*), *-ута* (*вертута*)» (стр. 218).

Затем следует приблизительное определение географии некоторых водных терминов, имеющих на украинской территории отдельные изоглосные зоны. На этом основании выделяются: 1) карпатская зона с прилегающими районами (около 55 терминов), 2) лесостепная зона (около 40 терминов), 3) полесско-волинская зона (около 35 терминов), 4) приморская зона (около 20 терминов, преимуще-

ственно морских). Далее предполагается более дробная классификация (локализация) и приводятся термины западноукраинские, юговостоукраинские и северовостоукраинские с внутренним разделением на гудульские, бойковские, лемковские, буковинские, закарпатские и др. и без такого разделения, т. е. общие для более обширных зон. При этом иногда вводится и критерий различия в значении, что, по нашему мнению, при нынешней степени полноты сбора материала в общем преждевременно.

Славянская местная географическая терминология, в том числе и украинская, сколь ни странным может показаться такое заявление после вступительной части настоящей рецензии, все же изучена еще недостаточно. Новые разыскания с привлечением свежего материала, например, исследования И. А. Дзендзелевского¹⁰ или проводимое Е. А. Черепановой обследование украинских диалектов севернее Десны и Сейма, показывают, что, по-видимому, нам известно пока не более половины украинских географических апеллятивов (лексем), не говоря уже о их значениях (семемах) на разных территориях. Так, например, на Черниговщине и Сумщине Е. А. Черепановой записаны следующие лексемы, не зафиксированные ни в одной другой зоне распространения украинского языка: *батарей* 'небольшое болото', *верзиль* 'топкое болото, поросшее кустарником', 'торфяное болото', *грин* 'течение реки, ручья', *гринолбт* 'исток, начало реки', *жельень* 'мокрая, поросшая травой низина', *кёдух* (*кёдуха*) 'яма, наполненная водой', *лёговка* 'мокрая, заболоченная низина, поросшая травой', *окулок* 'озеро в лесу', *рёвня* (*рёмня*) 'выкопанная яма, наполненная водой', *реть* 'заболоченная низина', *ретийш* 'озеро', *ретьяжина* 'узкая и длинная заболоченная низина с родниковыми водами на болоте или у реки', *рётха* 'приток реки', *рим* 'яма, наполненная водой', 'лог, залитый водой', *римба* 'овраг, залитый водой', *смилий* 'болотная топь, на которой ничего не растет', *сула* 'непроходимое болото с жидкой, водяной массой', *сумбра* 'ручей с весенней и последождевой водой', 'старое русло, которое наполняется весенней и последождевой водой', *сятина* 'топь на болоте, трясина', *шкан-*

⁹ На балтийское происхождение польских форм *готра* и др. впервые указал В. М. Мокиенко [см. его канд. диссерт. «Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне)», стр. 366], который к ним же причисляет и псковские формы *жабина*, *жабка* 'ямка, выбоинка, лунка, ячейка'. Последние могут быть, видимо, объяснены и иначе. Латышский термин дается по словарю: K. Mülenbacha — J. Endzeliņš, *Latviešu valodas vārdnīca*, Rīga, 1929—1932, польские приводятся М. Юрковским в его рецензии на монографию П. Нитше («Rocznik slawistyczny», XXVIII, 1, 1967, стр. 177). Укр. *жомба* и польск. *готра* и др. не отмечены как балтизмы в специальных исследованиях А. П. Непокупного, В. Урбута и др. См. полную сводку известных балтизмов в восточно- и западнославянских (польском) языках в капитальном труде Ю. А. Лаучюте «Лексические балтизмы в славянских языках» (канд. диссерт., Л., 1971), где слово *жомба* также отсутствует.

¹⁰ И. О. Дзендзелівський, Українські назви для 'острова на річці', «Studia slavica», XII, 1966, стр. 103—113; его же, Українські назви для 'витоку, початку, вершини річки', «Slavica», VIII, 1968, стр. 61—68; его же, Українські назви притоки річки, «Slavia orientalis», XVII, 3, 1968, стр. 297—303; его же, Українські назви для гирла, устя річки, «Onomastica», XV, 1970, стр. 125—142.

дубілка 'яма на дороге', шурханка 'яма с водой под снегом', 'болотная топь с верхним растительным покровом' и др.¹¹

Еще разительнее выявляется неполнота наших познаний об украинских водных терминах по имеющимся источникам при сравнении списка лексем, обозначающих 'залив', — в общеукраинском масштабе у М. Юрковского и в ограниченных масштабах Черниговщины и Северной Сумщины у Е. А. Черепановой. У М. Юрковского 'залив' — *бўхта, губа, кирпи-човина, кут, кутбк, лѣхта, лўка, луко-мўр'я, лиман, плес, прїбїк, сага, вїполоч, забїг, забўка, забочень, забўч'я, забїч, захўд, зачїн, закўсок, (закїсок), закўсень, зїлив (зїлїв), заливок, зїрїчок, затўка, затўчина, затўчник, затўн, зїтїшок, зїтиш, зїтиш'я, зїтишина, зївод', зївод, зїводок, зїводїна, зїворїт (зїворїт, зїворїт'). У Е. А. Черепановой 'залив' — *вирўк, зїбега, забўка, зїбоковина, забўч, забўчина, забўчка, зїверть, зїводь, зака-бїна, закабїловка, закабїйок, закабїйчик, закабїльчик, закапїлок, зїкло, зїкол, зїкола, зїколка, зїкссок, зїкот, зїкут, зїкуток, зїлїв, зїпань, зїрог, зарбїжок, затўк, зїтока, затўковина, затўн, затўна, затўчина, захўд, зїходень, зїходина, зїходь, лагўна, лопїтина, озерїна, отстїй, пїзуха, плес, прїрва, прїбїм, стрїга, тїня, турўк, узїбїч, урїз. Нетрудно заметить, что общее число терминов из украинского Северо-восточного Полесья (Черниговщина и часть Сумщины) больше, чем так называемый «общеукраинский» инвентарь¹². При этом любопытно, что набор лексем, в которых два приведенных перечня перекрещиваются, невелик: *залив, забока, затока (заток), затон, заводь, заворот (заверть), забїг (зїбега), забїч (забчка), закўсок, захўд, плес. Все это свидетельствует отнюдь не о недостатках труда М. Юрковского, который может считаться образцовым во многих отношениях, а о том, что фонд украинских диалектных географических апеллятов остается до сих пор своего рода «безодней» (если пользоваться рассматриваемой терминологией), т. е. он не исчерпан и даже не измерен до дна. То же самое можно сказать применительно к другим славянским языкам (диалектам). Перед славистами и в этой сравнительно специальной и узкой области лексикологии (местные географические термины и литературные)***

открыты большие возможности, которыми следует воспользоваться, обратиться к составлению областных словарей и атласов географических апеллятов¹³, пока не поздно, пока не стерся и не «поблек» окончательно славянский диалектный ландшафт. Труд М. Юрковского — необходимое и важное звено в последовательном и планомерном исследовании славянской лексики.

Работа И. Я. Яшкина — первый сводный труд по белорусским географическим терминам. Он выполнен в виде словаря, где все апеллятивы даны в алфавитном порядке отдельными словарными статьями. Словарь содержит более 5000 слов (считая словообразовательные и некоторые диалектные фонетические варианты), извлеченных из опубликованных источников или собранных самим автором и его корреспондентами и коллегами. Новый материал богаче всего представлен из Славгородчины (гор. Славгород, бывш. Пропойск, Могилевск. обл.) — с родины автора. Автор вводит в научный обиход такие интересные термины, как *бахань* 'ямы', *бўчка* 'глубокое место в реке' (полесск.)¹⁴, *вўдва* 'поток реки', *вой* 'стречень, самое быстрое течение реки' (полесск.), *вўха* 'глухое, тихое непроходимое место', *гнеч, гнечїща* «болото с непроходимыми зарослями, непролазная чащоба» (полесск.), *дїня* «небольшая речка», *їм* 1) 'выпуклость на склоне горы', 'склон подъема в гору', 'место, где дорога идет в гору', 2) 'бойкое место на дороге', *кўдра* 'небольшой лесок, группа отдельно стоящих деревьев', *кумї* 'водоворот на р. Горыни' (полесск.) (мною этот термин зафиксирован со значением 'обратное течение на реке', притом с ним связан анекдот о супружеской измене и пресипательстве кума и кумы, ставший базой народной этимологии или происхождения термина)¹⁵,

¹³ См. предложенную мною предварительную программу исследований в заметке «О славянских областных словарях географических терминов», «Топонимика», 2, М., 1967, стр. 5—8.

¹⁴ Полесские термины нами выделяются особой пометой *полесск.* И. Я. Яшкин дает пометы и с более локальным определением, например, *житк.* — житковичское, что крайне ценно.

¹⁵ Среди авторов диалектных словарей в наше время, кажется, только Б. Сыхта сознает в полной мере значение последовательной фиксации фактов народной этимологии, анекдотов, поверий и преданий, связанных с определенными словами. Очень ценен материал Б. Сыхты по народной метеорологии и геологии, в котором можно найти ряд кашубско-полесских соответствий (см.: B. Sychta, Słownik gwar kaszubskich, II, Wrocław—Warszawa — Kraków, 1968, под словом *jezoro*—Bulė jezórko. и Тол. СГТ, стр. 207,

¹¹ Е. А. Черепанова, Местная географическая терминология Северо-Восточного Полесья Украины, «Топонимика», 6, М., 1972 (в печати). Здесь мною приводятся только водные термины как относящиеся к теме рецензируемой книги.

¹² Е. А. Черепанова собирала материал по программе, составленной мною для Припятского Полесья, в 295 населенных пунктах.

на́йма 'место, богатое источниками, на склоне горы, где всегда сочится вода', 'топкое место', 'топкое место под горой', 'большое количество воды под снегом', *на́йма*, *на́йм*, *на́йма* 'место, богатое источниками, где сочится вода', *на́мег*, *на́межбк* 'кустарник' (ср. полесск. и волынск. *на́мег* 'облако', *на́меги* 'облака'), *пухлб* 'окно в болоте' (полесск.), *растбў* 'остров, сухой участок на болоте с высоким лесом' (ср. топонимический материал вне Белоруссии), *таласб* 'мелкие волны на воде' (славгородск.). В отдельных случаях возникает сомнение в точности записи и достоверности материала (например, в последнем слове *таласб*, которое должно быть грецизмом, проникшим далеко на север, вероятно, через турецкое посредство, как и сербск. *та́ла́с* 'волна' из новогреч. *θάλασσα* 'море' через турецк. *talaz* 'волна', 'волнистость'), которое может быть развезено лишь новыми данными и более четким определением ареала термина. Но в большинстве случаев материал не вызывает опасений того или иного рода, даже если он малоизвестен, нов и не подкрепляется записями других исследователей. Таковым является, например, ряд апеллятивов со значением 'залив' — *забако́йна*, *закаба́йна*, *закакарўчына*, *забач* и др. или 'топкое и вязкое болото, покрытое сверху зыбкой коркой' — *крба́ць* (*крба́ць*, *крба́ць*), *кракавіца*, *трба́ць*, *дра́жка* и др.

М. Юрковский в своей рецензии на монографию П. Нитше «Польская географическая терминология» справедливо сетовал, что автор не включил в книгу термины, обладающие семемами 'водоворот', 'незаросшее место на воде', 'поворот, колено реки', 'канал', 'подножье горы', 'нагорье' и т. д. В словаре И. Я. Яшкина читатель сталкивается с другой крайностью — с множеством слов, имеющих к географической терминологии очень малое отношение. Например: *гарўн* 'дерево с наростом, который идет на выработку трута', *гбран* 'печь для обжига изделий из глины', *грьдня* 1) 'хата', 2) 'гумно, где сложен хлеб', *ко́нязь* 'деревянный столб', *ко́ла* 'круг на земле, проведенный детьми в игре', *крапёж* 'место, куда стекала вода со стрехи', *кара́* 'засохший верхний слой грязи, корка', *крапйўнік* 'место, заросшее крапивой', *пракiва* 'заросли крапивы' (по-

просту — 'крапива, *Urtica dioica* L', житковичск. — Н. Т.), *ра́ла* 'толстый сук, ответвление', *ра́нда* 'шынок' (с указанием даты записи — 1854), *чаха́рня* 'мастерская, где чесали шерсть', *шаха́* 'постройка с плетеными стенами для сельскохозяйственного инвентаря' и т. д. и т. п. (число примеров можно было бы значительно умножить). Также неоправдано, на наш взгляд, включение в словарь исторического материала, да еще в крайне незначительном числе и малообработанном виде, хотя нужно признать, что некоторые примеры любопытны, например, *жэрэ́мя* 1648 'место, где живут бобры' (наряду с этой формой следовало бы, если быть последовательным, включить и форму *жэрэ́ма* 1588¹⁶ и др.).

В словарной статье иногда даются синонимы (обычно междialeктные) однокорневые и неоднокорневые, например:

Распу́ще. 1. Месца, дзе дарога раздвойваецца; развілка (Маладз., Слаўг): Тое ж *расход* (Ст.-дар.), *расход дарог* (Сал.), *разходныя дарогі* (Стол.), *растанцў* (Маз.). 2. Бездорожжа вясной або ўвосень, грязь; паводка; адталя зямля (Зах. Бел. Др.-Падб., Нар., Слаўг., Смален. Дабр.). Тое ж *распу́ца* (Рэч., Слаўг.), *растон*, *растоница*, *растарона* (Слаўг., Стол.), *растарон* (Слаўг.), *растрон* (Смолен. Дабр.), *растароница* (Мсцisl. Бялж., Нас., Слаўг.)¹⁷.

Объединение перечисленных терминов в одной словарной статье не всегда оправдано, особенно когда дело касается слов с разными корнями и разным распространением (ареалом). При этом такие слова, как *расход*, *растон* и т. д., отдельными статьями не даются.

В иных случаях специальных помет и отсылок нет. Нет их и тогда, когда слово из-за диалектных особенностей имеет разный фонетический облик, хотя и относится к одному корню. Когда же оно еще приобретает специфическое значение в разных диалектах, картина становится еще более туманной (таково положение, например, с термином *бор*, *быр*, *бур* и др.). Ясно, что при таких обстоятельствах отсылки или же объединение форм в одной статье необходимы.

Наконец, следует сказать, что автор книги «Белорусские географические названия» привлек далеко не все печатные источники, не говоря уже о рукописных. Так, например, из VI выпуска «Материалов для изучения белорусских гово-

сноска 61 — народное представление о том, что почти все водоемы сообщаются под землей, а также анекдот о попытке полещукоскжччч озеро своеобразным путем — привязывая солому к хвосту собаки и затем поджигая ее; записано мною в с. Спорово на Споровском озере зимой 1964 г.; ср. у Сыхты под словом *jezoro*: *Jezero są pāli, a psē slōma pošo do gaše-ñā*).

¹⁶ Подробнее об этом и этимологию см.: О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи), «Славянское языкознание. Доклады советской делегации к V Международному съезду славистов», М., 1963, стр. 179.

¹⁷ Непоследовательность в расстановке ударений наблюдается и во многих других словарных статьях словаря И. Я. Яшкина.

ров» под ред. Е. Ф. Карского (Сб. ОРЯС, LXXXVIII, 1, СПб., 1910) не использованы «Слова народные в Рогачевском уезде Могилевской губернии» (стр. 8—15)¹⁸, где имеются такие термины, как

¹⁸ Не учтена также работа З. И. Жаковой «Названия водного источника в белорусских говорах» («Юбилейная научно-методическая конференция зонального объединения кафедр русского языка», Л., 1969, стр. 248—250) и другие работы. Особый вопрос возникает в связи со смоленским материалом, который в последнее время обычно не вовлекается в круг белорусоведческих языковых источников, хотя большая часть смоленских говоров может быть причислена к белорусской диалектной территории, подобно тому как некоторая часть полесских говоров в пределах БССР может быть отнесена к украинским. Если привлекать

растерёба, окблица, вир, гать, гребля, гудда, груд, большак, поплави, плавы, драва, ришт 'канава', облоги и др. Это тем более странно, что выпуски I—III тех же «Материалов», где географических апеллятов значительно меньше, автором учтены.

Несмотря на недостатки, книга И. Я. Яшкина — полезный лексикографический труд, содержащий много новых фактов и систематизирующий (хотя и не всегда удачно) уже известный, но для многих труднодоступный материал. Хотелось бы увидеть новое исправленное и дополненное издание этой книги.

Н. И. Толстой

материал из «Смоленского областного словаря» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914), как это делает автор, то следует обращаться и к другим источникам по смоленской лексике.

«Успенский сборник XII—XIII вв.», изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон, под ред. С. И. Коткова. — М., изд-во «Наука», 1971, 752 стр.

Издание Успенского сборника XII—XIII вв., осуществленное Сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка, явилось событием (и причем уже давно ожидаемым) не только для всех без исключения историков русского языка (в какой бы области языка они ни специализировались), славистов, текстологов, но также и для литературоведов-медиевистов, историков, археографов и других специалистов, занимающихся изучением письменного славяно-русского наследия¹.

Успенский сборник XII—XIII вв. занимает исключительно положение среди памятников восточнославянской письменности. Он не только один из самых древних литературных памятников восточных славян (уже одно это могло бы вполне оправдать общий к нему интерес), но он в то же время и самый древний памятник восточнославянской письменности, в состав которого, наряду с традиционными переводными сочинениями житийной и церковноучительной литературы, входят оригинальные собст-

венно русские житийные произведения, а именно, Сказание и страсть и похвала Борису и Глебу, Сказание о их чудесах (Сказание о чудесах Романа и Давида) и Житие Феодосия Печерского, автором которого был Нестор — удивительный писатель раннего русского средневековья, литературное наследие которого до сих пор остается еще недостаточно изученным. Причем, по мнению исследователей, список Успенского сборника отстоит от несторового оригинала не более чем на 3—4 копии-предшественницы. В числе других представляющих наибольший интерес текстов Успенского сборника должны быть названы также славянские по своему происхождению Житие Мефодия епископа Моравского, Похвальное слово Кириллу и Мефодию и Слово на Вознесение Иоанна Златоуста в переводе болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха.

Видимо, осознание высокой ценности изданной ныне рукописи послужило причиной того, что она долгие века хранилась в собрании Успенского собора Московского кремля (отсюда и ее название) и только в 1895 г. в числе других рукописей была передана в Синодальную библиотеку.

Несмотря на большую известность и общепризнанную ценность — рукопись упоминается во всех курсах и учебниках по палеографии, отрывки из нее приводятся во всех хрестоматиях по истории русского языка и по древнерусской литературе, — Успенский сборник в целом

¹ Воспроизведение текста с палеографическим комментарием, палеографическое исследование рукописи и археографическое описание выполнены О. А. Князевской (она же руководитель всей работы); Словоуказатель к тексту составлен В. Г. Демьяновым и М. В. Ляпон (предисловие к Словоуказателю написано М. В. Ляпон). Общая редакция С. И. Коткова.